

Мавринский Илья Игоревич

ГРАНИЦЫ СМЫСЛОВОЙ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ ПРЕДМЕТНОСТИ КАК ЭКСПЛИКАЦИЯ СВЯЗИ ЭТИКИ И ОНТОЛОГИИ

Статья посвящена анализу смыслового способа внесения определенности. Смысловой способ внесения определенности конкретизируется через основанную Платоном теорию идей. Идея как единство смысловых отношений предмета позволяет модифицировать сущее в целом и субъекта как одного из родов сущего. Данная модификация обнаруживает ту структуру субъективности, которая как проявляет заботу о себе, так и требует работы с онтологическими определенностями. Таким образом, обнаруживается граница стратегии внесения смысловой определенности: обладание смыслом.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/11-2/27.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 11 (61): в 3-х ч. Ч. II. С. 107-109. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/11-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 165.1

Философские науки

Статья посвящена анализу смыслового способа внесения определенности. Смысловой способ внесения определенности конкретизируется через основанную Платоном теорию идей. Идея как единство смысловых отношений предмета позволяет модифицировать сущее в целом и субъекта как одного из родов сущего. Данная модификация обнаруживает ту структуру субъективности, которая как проявляет заботу о себе, так и требует работы с онтологическими определенностями. Таким образом, обнаруживается граница стратегии внесения смысловой определенности: обладание смыслом.

Ключевые слова и фразы: достоверность; смысловая определенность; идея; субъект; онтология; этика.

Мавринский Илья Игоревич, к. филос. н.

Санкт-Петербургский государственный университет

mavrinsky@rambler.ru

ГРАНИЦЫ СМЫСЛОВОЙ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ ПРЕДМЕТНОСТИ КАК ЭКСПЛИКАЦИЯ СВЯЗИ ЭТИКИ И ОНТОЛОГИИ[©]

Дифференциация познания, устанавливающая границы различных предметных областей, формирует двойственную ситуацию собственной необходимости, связанной с развитием познавательной активности, введением и модификацией методов, движением мысли и собственной проблематичности, связанной с поглощением более ранних форм познавательной активности более поздними, утратой контекста и границ методологических процедур, вариативностью мыслительного процесса. В двадцатом веке это выражается в череде возвращений, манифестацию которых обнаруживают самые разные направления философии: феноменология, экзистенциализм, постструктурализм, постпозитивизм и т.д. При всем различии этих проектов нельзя не заметить, что вопросы этики, контекстных и смысловых определенностей обнаруживают собственную актуальность в областях, казалось бы давно автономизированных от проблем этики, субъект-ориентированного познания. Актуализация данных вопросов конкретизируется в различных вариантах от соотношения этики и логики до границ эксперимента. В данной статье мы обращаемся к вопросу о возможности связи этики и онтологии как фундамента западноевропейской рациональности. Предметом исследования является путь от открытия бытия до построения того, что могло бы быть названо теорией существования и в нашем понимании связано с платоновскими разработками. Идеи Платона мы понимаем как единство смысловых отношений предмета, что позволяет показать, как связаны в контексте формирования западноевропейской рациональности смысл, бытие и предметность.

Среди множества измерений вопроса о бытии два обнаруживают себя в качестве как естественных точек притяжения, так и оппозиций, отношения между которыми являются своеобразной линией напряжения, посредством которой выстраивается онтология: этика и логика. Отношения между ними образуют весьма сложный пласт переплетений, взаимных предположений, ссылок и интерпретаций, разобрать или даже обозреть которые вряд ли представляется возможным. Однако взаимопринадлежность оказывается столь же несомненной, сколь и проблематичной: сама возможность онтологии как некоторой теории бытия имеет в качестве основания возможность различения уровней, видов, форм бытия, то есть уход от позиции элейской школы и шире – досократической традиции.

Этот уход в логическом измерении может быть задан или описан как смена субъект-предикатного отношения в вопросе о бытии: если для досократической позиции бытие неизменно ставится на позицию субъекта, оказываясь тем, чему приписываются разнообразные предикаты (единства, неделимости, неподвижности и т.д.) [5], то Платон совершит то, что мы склонны называть первым онтологическим поворотом – поставит бытие на позицию предиката. Так вопрос о том, что есть бытие, трансформируется в вопрос, что существует: «Существует же оно вследствие причастности бытию» [7, с. 391]. Позиция предиката, в свою очередь, позволяет различать смыслы, в которых он приписывается, то есть различать уровни, формы, виды существования, в пределе – ведет к построению теории существования. При этом именно работа по различению в поле сущего ложится в основу логических схем, представляющих собой инварианты для разного рода сущего, то есть такая работа обнаруживает онтологические основания логики. Такого рода основания отчетливо видны, например, в формулировке закона недопущения противоречия: «невозможно, чтобы одно и то же в одно и то же время было и не было присуще одному и тому же в одном и том же отношении (и все другое, что мы могли бы еще уточнить, пусть будет уточнено во избежание словесных затруднений) – это, конечно, самое достоверное из всех начал...» [1, с. 125]. Так, и предикат, о наличии или отсутствии которого решается вопрос, и уточнения, отсылающие к категориальной системе Аристотеля, указывают на общее поле – существование.

В этическом измерении различение внутри монолитного онтоса, каким он являлся в досократической традиции, связано с тем, что принято называть антропологическим поворотом, и может быть описано через

понятие заботы. Введенное в Алкивиаде I, это понятие обнаруживает человека, ставшего заметным для себя самого еще в ситуации кризиса мифологического сознания, фигурой модифицируемой, связанной с бытием возможностью тех исполнений, которые входят в заботу или предполагают ее. Так, софист оказывается тем, кто владеет искусством «фокусов лжи и обмана» только при условии возможности такого искусства, то есть в ситуации, когда «защищаясь, нам необходимо будет подвергнуть испытанию учение нашего отца Парменида и всеми силами доказать, что небытие в каком-либо отношении существует и, напротив, бытие каким-то образом не существует» [7, с. 369]. Причем и существование, и несуществование имеют непосредственное отношение к речам. Способ, каким имеет дело с предметностью человек, оказывается тем, что формирует и маркирует его фигуру (софиста, политика, философа). Таким образом, сущее, способное дать себе отчет в способе собственного существования, оказывается ответственным за этот самый способ, причем ответственность эта обнаруживает себя как онтологически фундированная.

И этическое, и логическое обнаруживают себя в некотором общем поле, в котором сходятся, переплетаются, разворачиваются, – в действительности: заданное уходом от досократической традиции понимание бытия позволяет дать определение существованию, понять последнее как способность. «Все, обладающее по своей природе способностью (*δύναμις*) либо воздействовать на что-то другое, либо испытывать хоть малейшее воздействие, пусть от чего-то весьма незначительного и только один раз, – все это действительно существует. Я даю такое определение существующего: оно есть не что иное, как способность» [Там же, с. 378]. Действие или претерпевание воздействия оказывается тем, что предполагает и способы рассуждения, напрямую связанные с различием в поле существования, и действия сообразно этим рассуждениям, определяющим предмет человеческой ответственности – способ существования. Иными словами, именно человек оказывается ответственным за сущее, причем ровно постольку, поскольку он вносит в него определенность: изначальная монолитность онтоса допускает различные способы собственной дифференциации, а следовательно, различные способы получения предметности и имени с ней дела.

Ответственность как оборотная сторона заботы делает этику центром притяжения, предметом усилия, проблемой западноевропейской метафизики [8]. Так, если логика тяготеет к автономии, обнаруживая ответственную (пусть и этически окрашенную стремлением к гарантированности результата, последствий собственных выборов и действий) склонность к элиминации субъекта, то этика, напротив, вписывает человека в порядок сущего, обнаруживая тем самым его место в этом порядке. Трансляция этического измерения на сущее будет обнаруживать себя на протяжении всей западноевропейской метафизики от декартовских правил морали, извлеченных из опыта («Рассуждение о методе») [2] и дискуссии Лейбница – Кларка [4] до кантовского разделения сущего и должного, явившегося ответом на странную судьбу человеческого разума: «его осаждают вопросы, от которых он не может уклониться, так как они навязаны ему его собственной природой; но в то же время он не может ответить на них, так как они превосходят все его возможности» [3, с. 9].

Примечательным является и то, что понимание бытия как предиката останется неизменным вплоть до Канта по форме, однако смысловая наполненность, трансформируемая в ходе работы с сущим, приведет к локализации этого предиката в области реального, то есть относимого к вещам (*res*). «...для Канта слово “реальный” обладает еще исконным значением. Оно означает нечто, относящееся к той или иной *res*, к предмету, к предметному содержанию вещи» [10, с. 365]. Таким образом, работа с сущим приводит к тому, что из смыслов сущего исчезает, не берется в расчет то, что изначально и позволило начать работу с ним – измерение ответственности за само сущее. Именно это, как представляется, и ложится в основу онтологического поворота в XX веке: необходимость возвращения к ответственности за способы имени дела с сущим посредством отчета в способе собственного существования.

Вопрос об истине субъекта, который, по словам М. Фуко, в XX веке задавали только два человека – М. Хайдеггер и Ж. Лакан [8], открывает измерение работы с субъективностью через повседневные практики. Здесь точкой возвращения оказывается не вопрос о бытии, но способ сборки субъекта как фигуры ответственности, то, что подлежит герменевтике именно в контексте позиции, занимаемой по отношению к себе самому. В таком случае забота о себе становится тем, что формирует не только предметность, но и ее порядок, конституирует, задает и определяет порядок вещей¹.

Не смотря на различные способы работы с концептом заботы, очевидно, что полем их пересечения является наличие этической позиции: *разбирательство с бытием имеет смысл тогда и только тогда, когда оно ведет нас к обнаружению необходимости собственной этической позиции*. Таким образом, мы обнаруживаем необходимость перехода от онтологии к этике и обратно, причем именно этот переход и ведет к обособлению логики и, шире, формированию той или иной методологии.

Концепт заботы о себе, заявляемый Платоном в Алкивиаде [6], вовсе не является некоторым абстрактным концептом. Напротив, он не только предполагает наличие конкретных практик, к которым апеллирует Сократ, но и обнаруживает проблему и границу стратегии внесения смысловой определенности в предметность: возможность отсутствия позиции. Именно это делает самого Алкивиада парадигматической фигурой: Алкивиад обнаруживает возможность занимать позицию «на словах», понимая структуру сократовской

¹ Проект М. Фуко «Слова и вещи» изначально предполагал название «Порядок вещей» и был изменен лишь по требованию редактора. Нам представляется, что порядок вещей – то, что в наилучшей степени соответствует интенции самого Фуко – показать, как возможны различные способы сцепления предметности, различные фокусы, через которые мы получаем к ней доступ, выстраиваем порядки действий, производим дифференциации, применяем логико-методологические процедуры.

аргументации, научаясь способу рассуждения, который, однако, не ведет к действию, то есть нивелирует позицию этического интеллектуализма. Алкивиад в точном смысле слова обнаруживает отсутствие реальности (вещности и как способа удержания собственной фигуры, и как того, что укореняется в сущем, ведь всякое действие отличает тотальная необратимость ставшего) смыслового отношения.

Указанное выше отсутствие позиции не является отрицательной характеристикой, напротив, выступает как положительный модус: оно есть ситуация, когда не человек ведет происходящее и, следовательно, несет ответственность за так-то и так-то определенное сущее, за полученную в результате работы с бытием предметность, но им движет все, что угодно (страх, похоть и т.д.). *Отсутствие позиции – не отсутствие добродетели, а отсутствие того, что могло бы действовать или претерпевать воздействие.* Так, становясь предикатом, существование оказывается тем, что открывает возможность дальнейшего предиктирования любого субъекта. Например, можно разобраться с софистом, поскольку его можно предиктировать как того, кто занимается искусством «фокусов, лжи и обмана»; можно разобраться с рабом, поскольку его можно предиктировать как того, кто не осмелился умереть; можно разобраться с варваром, поскольку и его можно предиктировать (см. Фалеса). Однако Алкивиад не обнаруживает никакой фигуры (не является ни софистом, ни философом, ни рабом), поскольку его способ размышления о бытии не соответствует его же способу действия, то есть его порядок предиктирования не определен, он представляет собой не фигуру, а отсутствие фигуры.

Парадигматический характер Алкивиада обнаруживает для нас в качестве уже проблемной точки схождение логического и этического в поле действительного: неопределенность и неопределимость порядка предиктирования оказывается оборотной стороной отсутствия этической позиции, что обнаруживает проблематичность действительности данного и явленного сущего (Алкивиада). Здесь мы оказываемся не в состоянии ответить, что действует или претерпевает воздействие, то есть в конечном счете что существует под видом этой весьма конкретной данности. Очевидно, что подобная ситуация требует реструктуризации способов работы с предметностью, поскольку смысловая определенность больше не удерживается.

Список литературы

1. **Аристотель.** Метафизика // Аристотель. Сочинения: в 4-х т. / пер. с древнегреч. М.: Мысль, 1976. Т. 1. С. 64-367.
2. **Декарт Р.** Рассуждение о методе / пер. с франц. Г. Г. Слюсарева // Декарт Р. Сочинения: в 2-х т. / пер. с лат. и франц. М.: Мысль, 1989. Т. 1. С. 250-296.
3. **Кант И.** Критика чистого разума // Кант И. Сочинения: в 8-ми т. М.: Чоро, 1994. Т. 3. С. 6-622.
4. **Лейбниц Г. В.** Переписка с Кларком // Лейбниц Г. В. Сочинения: в 4-х т. М.: Мысль, 1982. Т. 1. С. 430-528.
5. **Парменид.** О природе // Фрагменты ранних греческих философов / изд. подг. А. В. Лебедев. М.: Наука, 1989. Ч. 1. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. С. 286-289.
6. **Платон.** Алкивиад // Платон. Собрание сочинений: в 4-х т. / пер. с древнегреч.; ред. А. Ф. Лосев, В. Ф. Асмус, А. А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1990. Т. 1. С. 3-43.
7. **Платон.** Софист // Платон. Собрание сочинений: в 4-х т. / пер. с древнегреч.; ред. А. Ф. Лосев, В. Ф. Асмус, А. А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1990. Т. 2. С. 329-412.
8. **Фуко М.** Герменевтика субъекта / пер. с франц. А. Г. Погоняйло. СПб.: Наука, 2007. 677 с.
9. **Хайдеггер М.** Вопрос о технике // Хайдеггер М. Время и бытие / пер. с нем. М.: Республика, 1993. С. 221-238.
10. **Хайдеггер М.** Тезис Канта о бытии // Хайдеггер М. Время и бытие / пер. с нем. М.: Республика, 1993. С. 361-381.

BOUNDARIES OF SENSE DEFINITENESS OF OBJECTNESS AS EXPLICATION OF ETHICS AND ONTOLOGY CONNECTION

Mavrinskii Il'ya Igorevich, Ph. D. in Philosophy
Saint-Petersburg State University
mavrinsky@rambler.ru

The article is devoted to the analysis of the sense way of definiteness introduction. The sense way of definiteness introduction is concretized through the theory of ideas that was founded by Plato. Idea as a unity of the sense relations of the object allows modifying matter on the whole and the subject as one of the sorts of matter. This modification reveals such structure of subjectivity, which both takes care about itself and demands work with ontological definitenesses. Thus the boundary of the strategy of sense definiteness introduction is found out: sense possessing.

Key words and phrases: authenticity; sense definiteness; idea; subject; ontology; ethics.